

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

Охота на крыс

«Автор»

Кивинов А. В.

Охота на крыс / А. В. Кивинов — «Автор», — (Улицы разбитых фонарей)

ISBN 5-224-02202-9

Фамилия его Ларин. Он работает опером или, если официально, оперуполномоченным уголовного розыска в одном из многочисленных отделений милиции города Петербурга. А опер, да ещё с шестилетним стажем, это вам не палкой на перекрёстке махать.

ISBN 5-224-02202-9

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Кивинов

Охота на крыс

ГЛАВА 1

– Урод! Козёл! Червяк усатый! Ментяра! Идиот! Муди-ла тряпочный! Маромой! Чмо! Чтоб тебя...

Прошу не волноваться. Указанные комплименты прозвучали не в ваш адрес, а только в мой. Самое обидное, что этот благозвучный наборчик вылетел из уст такой симпатичной милашки, что аж дух захватывало. Ах! Чего стоят одни лан-комовские губки, плавно изогнутые в слове «козёл»! А эти мраморные зубки, слегка подпорченные нежным налётом никотина, а эти чудные кудряшки, подкрашенные хной! А глаза! Боже мой, такие встретишь только на обложках самых престижных журналов.

Признаться, я был огорчён до глубины души. Не оскорблён, а именно огорчён. Женщина, а в особенности женщина симпатичная, не может оскорбить настоящего мужчину. А я что ни на есть настоящий. Правда, никак не пойму, почему мне приписали эпитет «усатый червяк» – у меня вроде усов нет, и на червяка я ничуть не похож. Но переспрашивать, а тем более уточнять, у меня желания не возникло. Тем более, что уже было не у кого. Крошка, хлопнув дверью, выскочила в коридор.

Я глубоко вздохнул и откинулся на стуле, покачиваясь на его скрипучих ножках. Ну что за ерунда? Не найдёшь преступника – козёл, найдёшь – опять козёл. Можно подумать, я заставлял муженька этой симпатяжки кидаловом, ой, простите, мошенничеством заниматься. Я ему, что ли, деньги на ксероксе печатал и в руки совал? Ага, а потом я же привёл его в универ-маг и бумажки эти стал, вместо долларов, доверчивым гражданам подпихивать. Нет, похоже, это был не я. Я, к его несчастью, имел глупость вмешаться. Но он тоже хорош, совсем оборзел. У него уже и ксерокопии кончились, так он обычную бумагу на валюту менять начал. И откуда я мог знать, что он такой кручёный-верченый, с кучей всяких связей, красоткой-женой и папой-депутатом? На тот момент от обычного динамщика он ничем не отличался. Хотя даже сейчас, когда он сидит в камере, определённое сходство с динамомашинной в нем есть. А женщина героическая меня обласкала даже не за то, что я муженька ейного туда определил, а из-за какого-то пустяка – не дал ей и се приятелям поболтать с потерпевшим. Ну конечно, знаю я такие разговорчики. После них потерпевший весь такой стеснительный, пугливый. Может такую чушь нести, что просто неудобно становится. Вплоть до того, что он специально бумагу за валюту покупал, правда, сейчас уже не помнит у кого, когда и где. А как он в милиции оказался, извините, забыл.

Так что, как говорят в армии: «Отставить разговорчики! Тут вам не здесь!» Вот проведёт следователь опознание, допросит всех, арестует мальчонку, тогда и болтайте на здоровье. Я там уже ни за что не отвечаю, все вопросы к следователю.

А поэтому я и червяк усатый, и мудила, и не помню что ещё такое. Да, ладно, пустяки, зато какая девчонка симпатичная. И что она в этом жулике нашла? А может, он и её кинул? Может, до свадьбы с ней ксерокопия Бельмондо гуляла, а после он сам нарисовался?

Но все равно, в следующий раз, чтобы избежать напрасных оскорблений, прежде чем задерживать преступника, буду уточнять, кто у него родственники.

Я поднялся, глубоко вздохнул, набрав полную грудь кабинетной атмосферы, исполненной смесью «Пуазона» и «Кэ-мела», оставшейся после дамочки, и открыл форточку.

За окном весна. Отличное время. Свежая грязь, кое-где гололёд, огромные мухи и остатки чёрного снега на газонах. Расцвет духовных сил и энергии. Любовь опять же, а как же

без неё? Меня вот, к примеру, так начальство полюбило, что одному Богу известно, как я ещё работаю в органах. Регулярно, примерно раз в месяц мне делают последнее штатское предупреждение, но до сих пор так и не выгнали. Но я-то знаю почему. Выгонят меня – надо будет искать замену, а на работу нашу желающих немного. Опер на земле, то есть в отделении, – не слишком престижная работёнка и, главное, весьма неблагодарная. Да вы же слышали только что. Куда приятнее быть опером Главка или, хотя бы, райотдела. Так что Мухомор – виноват, Грибанов Георгий Павлович, мой шеф, – хоть и грозитя меня вытурить, этого он никогда не сделает. Кем он тогда руководить будет? Кого воспитывать и направлять в правильное русло? А так – я всегда под рукой. Много «глухарей» – товарищ Ларин, в чем дело? Мало бумаг – товарищ Ларин, вы чем на работе занимаетесь? Ну и так далее. Вы только не подумайте, что я вам жалуюсь или в жилетку плачусь. Знал, куда иду. А что касается бумаг, то есть у меня грешок, не люблю писать. А особенно не люблю писать то, что никому не нужно. Действительно нужную бумажку написать не жалко, в нашем деле она на вес золота, но макулатуру собирать в сейф никакого желания нет. Я уже не пионер, сдавать не буду.

Вернувшись за стол, я раскрыл папку с «текучкой», чтобы, во-первых, заняться делом, а во-вторых, позабыть неприятный инцидент с женой кидалы. Так, что тут? Телетайп. «Прошу в срок до 20-го направить в наш адрес список кооперативных автостоянок (КАС), расположенных на обслуживаемой территории, а также указать, имеется ли оперативное перекрытие данных КАС. Зам начальника XYZ-отдела майор Потапов».

Вот здорово! Теперь, значит, если я дам ответ, что у меня на территории три стоянки и ни одна из них, увы, не перекрыта, то из Главка придёт грозное требование «В срок до такого-то перекрыть»?! После этого я отправлю очередную депешу: «Согласно вашему указанию, перекрыл!!! О чем и рапортую». Таким образом, будет налицо руководящая роль Главка и моё усердие, в отчётах появятся недостающие галочки, в приказах – поощрения, а в ведомостях на премию – росписи. Ура! Ну, наконец-то, перекрыли. Все счастливы и довольны. Жалко, в КАС не знают, что их перекрыли, а то бы и там порадовались. А вообще что значит «перекрыть», а тем более «оперативно»? Я хоть и не в ладах с терминологией, но догадываюсь, что под этими туманными словами подразумевается, что я должен найти граждан, имеющих отношение к стоянкам, и сделать так, чтобы они мне потихоньку разъяснили, что на этих стоянках происходит. Сколько, к примеру, машин угнанных или кто там номера перебивает. Или ещё что-нибудь, преимущественно – автомобильное.

Вот это и означает «перекрыть».

Теоретически все верно. Непонятно одно, каким образом я это должен сделать? Ходить по стоянкам и спрашивать: «А нет ли желающих немножко „постучать“»? Ну, допустим, выйдет из строя пара человек, скажут: „Готовы служить верой и правдой! Но, извиняемся за нескромный вопрос, что мы с этого иметь будем?“ На что я пожму плечами и отвечу, что кроме моего дружеского расположения, ничего. После этого наше тесное сотрудничество сразу завершится, толком так и не начавшись.

Я захлопнул папку и опять начал качаться на ножках стула. А что, я сегодня не дежурю, могу немножко и покачаться. Пользы от этого, правда, не больше, чем от перекрытия КАС, но зато веселее. Не успел я набрать достаточную амплитуду раскачивания, чтобы начать балдеть, как вдруг... Стоп, стоп! Я же сказал, что сегодня я не дежурю, и никаких «вдруг» произойти не может. Так что не волнуйтесь. А, это всего лишь мой коллега, Женька Филиппов, в принципе, ничем от меня не отличающийся, кроме того, что постоянно курит «Беломор» и сегодня дежурит.

– Киря, у метро тачку обстреляли, заявка только что прошла. Поедем за компанию, я чувствую, одному мне там не справиться.

Будь на месте Женьки, Шурик Антипов – опер, сидящий через кабинет, – я бы стукнул рукой по папке и заявил, что мне надо перекрывать КАС, а посему, извини, никуда не поеду. Но Женьке надо помочь, он меня тоже иногда выручает, да и вообще он нормальный мужик.

А поэтому я проверяю наличие боевого оружия, закрытость сейфа, опрятность внешности, хлопаю дверьми, и мы отчаливаем. Слава Богу, на УАЗике, а то обычно на заявки мы пешком ходим или на общественном транспорте добираемся. Но тут стрельба, дело не шуточное. У нас ведь не Чикаго, каждая стрельба – ЧП, надо соответственно реагировать.

– Что там? – спросил я у Женьки, когда машина тронулась.

– Я подробно не знаю. Говорят, обстреляли на ходу «иномарку», водилу наповал, из машины стащили дипломат и уехали.

– Ха, так это обычное ограбление, правда, со смертельным исходом. Придурки, зачем палить-то? Ну навели бы ствол, он бы и дипломат, и кошелёк, и сберкнижку отдал. Да ещё спасибо сказал бы. Что последнее время за мода пошла – палить почём зря?

– Не скажи. Марку они свою должны держать – не просто ограбить, а ещё и шмальнуть. Мол, такие мы крутые, с нами не забалуешь. Грабителей много, а таких как мы – мало. Бойтесь.

– Козлы они, вот и все. И никаких теорий не надо.

Через пять минут мы были на месте. «Скорая» на сей раз оказалась оперативней милиции – жёлтая машина уже стояла посреди дороги, вокруг неё собралась толпа народу. Расстрелянный автомобиль – насколько я разбираюсь в марках, «Вольво» – застыл на осевой проспекта. Образовалась небольшая пробка. Машины гудели. Впрочем, все равно, всякое движение уже было перекрыто развернувшейся каретой «Скорой помощи». Наш УАЗик выехал на противоположную полосу и там остановился, окончательно разрушив планы водителей все-таки проехать дальше. Им теперь придётся искать объезд.

Прямо напротив места происшествия находилась станция метро, что создало лишний, совсем ненужный интерес к происходящему. Очередная порция любопытных, выходя из подземельного чрева, тут же устремлялась к расстрелянной машине. Был «час пик», и народа прибывало с каждой секундой. Я искренне посочувствовал Женьке, которому надо было лезть в самую гущу. Впрочем, он и не собирался прикидываться воспитанным человеком – энергично заработав локтями, он начал прокладывать путь в толпе. Ввиду своего хрупкого телосложения следовать за ним я не рискнул а решил понаблюдать за действием со стороны. Через пару минут подъехала машина охраны и кто-то из руководства РУВД.

Для охраны попасть в эпицентр вообще труда не составило. Меньше, чем через минуту, вокруг «Вольво» образовался круг радиусом метра два, внутри которого остались только врачи, Женька и какой-то начальник, кто именно разглядеть я не смог. Тем временем, к метро подъезжали машины с руководством, с представителями прокуратуры, Главка и экс-пертно-криминалистического отдела.

«Довольно быстро», – подумал я. В круг входили все новые и новые лица, и когда места опять не стало хватать, охрана снова принялась увеличивать свободное пространство при помощи своих ПР-73.

Я, конечно, тоже решил не оставаться в стороне – зря, что ли, я сюда ехал? Но в отличие от остальных, я устремился в толпу не как сотрудник, а как зевака с заготовленным заранее вопросом: «А что случилось?» Интересно послушать компетентнее мнение сограждан, а потом сравнить с истинной причиной. После этого можно научную статью писать на тему «Как рождаются сплетни».

Итак, задав крайнему упомянутый вопрос, я с интересом стал ждать ответа. Как водится в таких случаях, ответил не один, а сразу несколько человек. Вся история сводилась к тому, что какой-то деятель обстрелял машину из автомата и скрылся. Водитель погиб. Слава Богу, на проспекте больше не оказалось машин, и поэтому никто не пострадал. Все остальные возгласы уже относились к мафии, которая совсем обнаглела, бездействию властей и сравнению Питера

с Сицилией. Поохав и посетовав за компанию, я вернулся к машине. Водитель, облокотившись на руль, дремал. Все верно, ему ещё ночь работать, а мокрух он насмотрелся достаточно. Я не стал его будить и решил вернуться в отделение пешком. Моё вмешательство в происходящее все равно никому не нужно, а народу там хватает – уже и второй круг стал тесным. Разберутся. Правда, в душе я снимаю шляпу перед Женькой, которому немного не повезло – во-первых, это его территория и плюс он дежурит. Так что в отделение он вернётся, пожалуй, только к утру.

Я как всегда оказался прав и, когда на другой день заявился в отделение, то ничуть не удивился, завидя Женькину физиономию. Одной рукой мешая какую-то бурду в стакане, второй что-то царапая в материалах, он беспрерывно зевал и передёргивался. Я по себе знаю, насколько нелегко что-то писать после бессонной ночи, поэтому вполне искренне посочувствовал ему:

– Ну, Пинкертон, просыпайся, пора на сходку.

Женька опять зевнул и выдохнул на меня ядерную смесь перегара, кофейного напитка «Ячменный» и беломорного дыма.

– Держи. – Я кинул ему подушечку «Стиморол». – Почисти зубы, чтобы Мухомор не унюхал. Что пил-то?

– Ликёр. Черт, только башка от него как чугунная. Зараза, а бутылка красивая.

– Не все золото, что блестит. Ну, поведай миру, что вы там наработали. Я надеюсь, убийца уже в камере?

– А, – махнул рукой Женька. – «Глухарь» со знаком качества.

– А зачем пили тогда?

– Ну, вот поэтому и пили.

– Понятно. Ладно, не ломайся, расскажи, почему у нас людей среди бела дня и прямо в машинах расстреливают.

– Обычное дело. Шофёр «бабки» в банк вёз. Лимонов эдак сто, а если точно

– семьдесят. У метро его тачку обошёл «Форд». Как говорят, в нем водила был и пассажир. Вот этот пассажир на ходу дал залп по «Вольво», потом выскочил, хватя дипломат с сидения, назад в «Форд» и был таков. С проспекта сразу свернули и дворами ушли. Хотя никто собственно за ними и не гнался. Слишком нагло сработали.

– Номер тоже никто не запомнил?

– Ну естественно. А скорей всего, номеров и не было.

– А «бабки» откуда такие?

– Шофёр в фирме посреднической работал. Закупки из Испании – шмотки, продукты, ну и так далее. Как везде. Деньги – этой фирмы.

– Интересно. И кто ж это его одного с такой суммой выпустил? Как минимум двоих охранников надо. А, простите, в банк он деньги как должен передать? Вот вам чемодничок, в нем лимончик, просили передать? Так что ли? Где гарантия, что он такие деньги вообще доведёт? Между прочим, если бы его не грохнули, я бы материал отказал. Мол, сам свистнул, а на мафию сваливает.

– Я не знаю подробностей. Мне с хозяином этих денег и поговорить-то не дали. Его сразу на Литейный увезли. Поэтому что да почему, я не в курсе. Мне сказали свидетелей опросить, вот я их и опрашивал.

– Приметы-то стрелка запомнили?

– Да, если хочешь, в блокноте прочитай. – Женька кивнул на свою записную книжку. – Неохота повторять.

Я взглянул на Женькины записи.

– А стреляли из чего?

– Похоже на АК. Патроны стандартные.

– Так. Сейчас Главк выжмет из директора этой конторы все что можно, если получится – раскроет, а нет – к нам с проверкой приедет: почему мы не раскрыли?

– Мне уже Мухомор намекнул, чтобы начинал справки писать. Вот этим и занимаюсь все утро.

– Ладно, время, пошли на сходку.

Как выяснилось, за минувшие сутки, помимо убийства, произошло две квартирные кражи – одна на моей территории – один грабёж и несколько вымогательств. Со всем этим разбирался Шурик Антипов, бывший вчера в резерве. В результате у нас оказалось возбуждено семь «глухарей». Ну, квартирные кражи – понятно, тут никуда не денешься, регистрировать надо. Но вот мужичка, который бабёнку где-то поднял с известной целью, а она его подпоила и позвала своих знакомых, которые вынесли потерпевшему всю хату, можно было и прогнать. Нечего баловать, пускай сам ищет. Но Шурик у нас юрист: есть состав преступления – возбуждаем. Хотя, может, он и прав. А вот если б я вчера в резерве был и не отшил бы этого мужика, то получил бы сегодня от Мухомора очередное последнее китайское.

Но это было вчера, а сегодня дежурю я, а в резерве – Филиппов. Он отправится спать, и мне придётся отбиваться одному. Ничего, не впервой.

Получив ценные указания от начальника, мы разошлись по кабинетам. Я для начала позвонил Вике, своей знакомой подружке, но она к телефону не подошла, значит уже ушла на работу. А её собака – ньюфаундленд Бинго – даже если и ухитрится снять трубку, разговаривать со мной не станет.

Время до обеда прошло довольно спокойно. Разобравшись с парой мелких заявителей, я, покачиваясь на стуле, решал кроссворд. Нельзя же все время о работе думать, надо и психологическую нагрузку снимать.

Я так увлёкся, что даже не услышал стука в дверь и поэтому, естественно, не заметил вошедшую в кабинет женщину.

– Можно? – раздался тихий голос.

Я оторвал голову от кроссворда, автоматически смахнул газету со стола и, сделав внимательное лицо, кивнул на стул.

– Пожалуйста. У вас что-нибудь случилось?

– Случилось. Мужа убили.

– Боже мой, когда?

– Вчера, в машине, у метро.

– А, это вчерашний водитель. Да, да, в курсе. Вы что-нибудь хотели узнать или наоборот – сообщить?

Я внимательно оглядел посетительницу. Довольно привлекательное лицо, одежда по моде. Маленькие бриллиантовые серьги в ушах, такое же колечко на пальце. Неплохо для жены шофёра. Хотя, если сейчас халтурить, можно хорошо приподняться, а халтурят почти все.

– Мне нужно разрешение на захоронение, – произнесла она, поправляя растрепавшиеся на ветру волосы. – В дежурной части сказали, что у вас можно взять.

«Ничего удивительного, в нашей дежурной части могли и на луну послать», – про себя подумал я, но вслух сказал:

– Увы, я не могу дать вам разрешения, это, к несчастью, не в моей компетенции. Вам надо в прокуратуру, к следователю, который ведёт дело.

– А он разве не здесь?

– В отделениях милиции не бывает следователей, тем более, следователей прокуратуры.

– А вы кто?

– Я оперуполномоченный.

– Господи, футболите туда-сюда.

– Минуточку. Я вас пока никуда не футболею. Горе я ваше понимаю, но извините, есть определённые правила игры. Следовательно ведёт дело – он процессуальное лицо, только он может дать вам разрешение. А мы должны установить и задержать преступника. Следовательно нам даёт поручение найти, мы ищем. Ну, в двух словах нашу систему не объяснишь.

– Вижу я, как вы ищите, – кивнула женщина на кроссворд.

Черт, прокол. Надо быть внимательнее.

– Голову вы людям морочите, а не ищите. Как в прокуратуру-то добратся, можете объяснить?

– Могу.

Я дал вдове адрес и рассказал, как туда ехать. Она взяла листок и, не попрощавшись, вышла.

Да, неудобно получилось. Но не объяснять же ей, что это не моя территория, что я занимался психологической разгрузкой и что вовсе не хотел её обидеть. Ей не до того. Найдём, не найдём – мужа не вернёшь. Но это поначалу, потом захочется правосудия, а когда судить – неизвестно, вот и сыплются комплименты в наш адрес – даром едите народный хлеб. Да, есть грешок, кое-кто действительно кушает этот хлеб даром. Но себя лично я к таким не отношу и по мере скромных моих сил и средств пытаюсь разобраться в происшедшем. Не всегда, конечно, получается, но в конце концов я не Господь Бог, я обычный человек с незаконченным высшим медицинским образованием.

Правда, если честно, то за шесть лет работы опером прыти у меня поубавилось. И мало того, как подметил Шурик Антипов, я стал циником. К людям не по-человечески отношусь. Что касается циника, то, может, он и прав. Какой-то вы, товарищ Ларин, бес-с-сердечный, раньше вроде таким не были. А на это я скажу, что с кем поведёшься... Среда обитания, как говорят психологи, окружающая атмосфера. А когда у меня появился цинизм, вспомнить я точно не могу. Цинизм подкрался незаметно. Вообще-то он накапливается внутри, как усталость. Постепенно. Вместе с обстоятельствами, с жизненными. И работай я сейчас инженером или педагогом, то, может, не было бы у меня нынешнего цинизма и смотрел бы я на происходящее удивлённо-возмущённым взглядом и вопрошал: «Как же-так?»

А все почему? Потому что не сидел тот же инженер, к примеру, с двадцатилетней девчонкой в кабинете и не выслушивал её рассказов про то, как она своего трехмесячного ребёнка вынесла зимой на балкон в одной распашонке и оставила на морозе. А потом вызвала «скорую», которая констатировала смерть от воспаления лёгких. Что ж вы, мамаша, не уберегли?

А в паузах своего монолога читала мне эта мамаша Есенина: «Ты меня не любишь, не жалеешь...» Мол, нравится ей очень Есенин, аж до «не могу».

И я не вскакивал со стула, как нормальный, благородный, чувствительный человек, и не бил я по морде эту сопливую мамашу за то, что она своё дитя за ненужностью угробила, а теперь Есениным прикрывается. Сидел я спокойно и слушал.

И даже кивал головой. И только за то, что я её слушаю и киваю, девчонка эта принесла мне кое-что в своём клювике. Чтобы я смог где-нибудь что-нибудь «перекрыть». Оперативно. Не обязательно КАС, а хотя бы тот же военный магазин, где мамаша эта трудится и куда воровская братия шмотки таскает «палёные», краденые то бишь.

И не сидел благородный и высоконравственный педагог с Витькой-Дуплетом и не слушал, как тот своему приятелю-корешку голову кухонным ножиком отпилил. И не подливал он Витьке самтревостовский коньячок и не смеялся вместе с ним, когда тот вспоминал, как у покойника открылись глаза и кудлатая башка полностью отделилась от тела. А вот я слушал все, подливал и смеялся... И было у меня в голове тогда только одно: «Ты не молчи, Витек, ты давай, журчи, я тебе и коньячок, и сигаретку, потому как если ты замолчишь – все, труба. Выпустит тебя следовательно, и пойдёшь ты дальше головы снимать...»

Я это, конечно, не в укор инженерам и учителям. У них своя работа, у меня

– своя. Это я к вопросу о цинизме. О среде обитания, о чутком отношении к гражданам, о жизни, в конце концов. Да хватит, товарищ Ларин, оправдываться. Ты не на товарищеском суде и не на ковре у прокурора. А что есть – то есть. Бес-с-сердечный ты, бес-с-сердечный. Сухарь.

Ну, ладно, время обеда. Я накинул куртку, предупредил дежурного; что пора пожрать и вышел на улицу. Погода не улучшилась – тот же гололёд, та же слякоть. Перепрыгивая через лужи, я направился в столовую. Проглотив дежурный обед, я решил прогуляться до места вчерашних событий. Не то чтобы специально, а так, послушать сплетни, купить свежую газетку, одним словом, разбазарить тридцать минут, оставшихся у меня от обеда.

Никаких следов от вчерашнего происшествия уже не осталось. «Вольво» убрали, асфальт вымыли. Торговцы продуктами и сигаретами пританцовывали на лёгком весеннем ветерке. Мимо меня прошла девушка с крайне тоскливым взглядом. Ровно через секунду я понял истинную причину её грусти, потому что ноги мои подлетели кверху и я всей массой рухнул на тротуар, поскользнувшись на ещё не оттаявшей лужице. Самое обидное, что при этом мой кулак ударил меня по моему же лицу. Я бы ему этого никогда и ни за что не простил, будь он чужой.

В результате удара моя губа стала медленно, но верно надуваться. Во черт, а! Под скрытыми ухмылками прохожих я поднялся и отряхнулся. Одежда пострадала несильно, так как грохнулся я не в лужу.

Прикрывая распухающую губу, я пошёл дальше. Хороший у меня через полчаса видон будет. Надо что-нибудь пооригинальнее придумать, а то ведь никто не поверит, что я просто упал.

– Кирилл, – донёсся до меня чей-то окрик.

– Привет, Степаныч, – поздоровался я, обернувшись на голос своего знакомого торговца газетами.

– Что не подходишь?

– Извини, не заметил. Тут вот незадача одна, – указал я на губу.

– Что такое?

– Да грохнулся. Гололёд. Здорово распухло?

– Извини, как гласит восточная мудрость, горбун не увидит твоих бородавок, если ты не увидишь его горбов, – засмеялся Степаныч. – Ничего нет.

Степаныч был интересным мужиком. Ему стукнуло уже под пятьдесят, а может и больше, я точно не знаю. В молодости он сидел за политику, имел два высших образования, философский склад ума, небольшую склонность к пьянству и весёлый характер. На свою небольшую пенсию он просуществовать не мог, а поэтому подрабатывал продажей газет у метро, а по весне к лотку с газетами присоединялись ещё и медицинские весы, на которых он за небольшую плату взвешивал всех желающих. Сейчас весы уже стояли на своём обычном месте, значит зима кончилась. Почти народная примета.

– Что-то ты похудел, – заметил он.

– Да, тяжёлая зима, авитаминоз, отсутствие женской ласки и всякое такое прочёс.

– В тебе сейчас семьдесят с половиной, не больше.

– С одеждой?

– Без.

– Здорово! Ты уже на глазок определяешь?

– Конечно. Весы так, для вида. А я наловчился, без них указываю. Никогда не ошибаюсь.

Опыт.

– Понятно. Как нога?

– Ничего. Зимой побаливала, а сейчас немного отпустила.

– Мазью-то мажешь моей?

– Да, спасибо. И что ты в милиции делаешь? Шёл бы в кооператив какой медицинский. Кстати, на вот, газеты. Я тебе отобрал, там подчеркнул, что читать, держи.

Степаныч протянул мне пачку старых газет. Он иногда снабжал меня прессой, причём новости зачастую были уже порядком устаревшими. Я не читал отмеченных им статей, но газеты брал, чтобы не обижать пенсионера.

– Там, почитай, и про вас есть. Интересно. Ужас, что творится. Как в гражданскую войну. Стрельба, убийства, грабежи. Куда мы катимся?

Я промолчал. Степаныч мог оседлать своего любимого «конька» и говорить без перерыва часами. Как, впрочем, и другие одинокие люди, которым просто необходимо общение.

– Да, – вздохнул он. – Как-то мы упрощённо живём. Сначала Маркса начитались – мир состоит из богатых, бедных и прибавочной стоимости и, чтобы хорошо жить, надо ликвидировать первое и последнее. Ликвидировали. А теперь поняли, что ошибочка вышла. Крути назад, ликвидируй что-нибудь другое. Лучше второе и третье. Чтобы сразу всем богатыми стать. Вот так. Сразу. Не создавая, а только ликвидируя. Отсюда и все наши беды.

– Не знаю, Степаныч, я не политик.

– Мы все не политики, – снова вздохнул он. – Отсидеться хотим.

– Извини, мне пора.

– Погоди. Знаешь, наверное, пальба здесь вчера была?

– Слышал конечно. Сам выезжал.

– Выезжал, а не подошёл. Не хочешь со стариком поболтать. Я-то тебя видел.

– Да нет, просто не до того было.

– Ладно, не извиняйся, я понимаю. А я ведь кое-что видел вчера. Мне же делать нечего. Газетами скучновато торговать, вот я и смотрю по сторонам.

– Да? И что?

– Хм. Был здесь вчера один любопытный фактик. Ко мне подходили, спрашивали, но я сказал, что ничего не видел. Не хотел говорить. Мне от вашего брата в жизни досталось. Но тебе скажу. Ты хороший человек, добрый. Погоди.

Степаныч продал экземпляр газеты прохожему, а затем снова повернулся ко мне.

– Вон, видишь, где троллейбус стоит?

– Ну.

– Минут за пять до стрельбы туда ремонтная бригада подъехала. На такой жёлтой машине. Они движение с одной стороны перекрыли, пробка получилась. Машины ход замедляли. И та, в которую стреляли, тоже остановилась. Тут её и тра-та-та. А пока суматоха, стрельба, под шумок ремонтники и снялись. Вон в тот проулок. Я своим газетным сознанием думаю, что это не случайно. Тем более, троллейбусы ходили исправно, и что там эти ребята чинили, не знаю. Наверняка про них никто и не вспомнил.

– Погоди, погоди. А сколько их было?

– Двое, но я их не разглядел. Уже темнело, да и далековато это отсюда. Оба в жёлтых безрукавках.

– А машину не запомнил?

– Машина обычная, ремонтная. Но кое-что есть. Когда они уезжали, я бортовой номер разглядел, не весь, правда. Я сначала, как все, на стрельбу смотреть стал, уже потом про машину-то сообразил. Так вот, номер кончается на две восьмёрки. Понял?

– Понял. А ещё чего-нибудь интересенького не заметил? Стрелка, например?

– Да его все видели. Плотный такой, в красной куртке и «петушке». Тут же свидетелей уже опрашивали.

– Да то-то и оно, что кроме этой куртки и шапки, никто ничего и не запомнил.

– Почему никто? Могу я тебе одну примету дать. Правда, не знаю, насколько она поможет. Слушай. Он весит ровно восемьдесят два кило. С одеждой. Восемьдесят два. Запомнил?

ГЛАВА 2

Я раскачивался на стуле в своём кабинете и ждал посетителей. Мне везло, их пока не было. Заодно я прикидывал, что хорошего может принести мне знание двух цифр с борта ремонтной машины и брутто стрелка. Его красную куртку я в расчёт не брал. Это довольно старый трюк. На противозаконные подвиги всегда одевают что-нибудь броское. Это отвлекает внимание от основного – от лица преступника, потому что все смотрят на его яркий костюмчик. Потом на хазе бойцы снимают свои маскарадные одёжи и уничтожают их, и в протоколах не остаётся ни одной нормальной приметы преступников, кроме красных, рыжих или жёлтых курток. Психология. Стало быть, с головой дружат. А здесь ремонтники какие-то непонятные. Это же риск. И номер могут запомнить, и бригаду, как потом обставляться?

Минут десять назад я позвонил в ремонтное управление и узнал, что никаких нарушений контактной сети вчера в районе стрельбы зарегистрировано не было. Выходит соучастие в форме пособничества. Теперь вопрос – стоит ли мне передавать эту любопытную информацию в Главк, в прокуратуру или хотя бы Филиппову? Пожалуй, нет. Хотя Женька и мой корешок, но он тут же отсемафорит выше. Нет, мне не жалко, все равно это не моя территория, но хотелось бы узнать, что дальше будет, скажем так из интереса спортивного, а заодно и отличиться. Я ведь по натуре эгоист. Но в хорошем смысле этого слова. Кстати, и за кроссворд перед женой убитого реабилитируюсь. Решено, покопаюсь втихаря, а не получится, дам возможность отличиться другим. Вообще при Серьёзных вариантах чем меньше народа что-то знает, тем лучше. А что я, собственно, планы радужные строю? Может, знают уже все про машину эту и даже нашли её.

Вот с этого, пожалуй, и начнём.

Я набрал номер прокуратуры, узнал, кто из следователей вчера дежурил, и перезвонил ему. Следователь оказался на месте. Я знал его довольно хорошо, поэтому никаких лишних вопросов по поводу моего звонка у него не возникло. Раз интересуюсь, значит надо. Прежде всего я уточнил насчёт физиономии убийцы.

– Ничего хорошего. Столько людей его видели, а фоторобот никто составить не может. Все его чёртову куртку да шапочку запомнили, а лицо – никто.

– Многих опросили?

– Человек десять. Но протоколы принципиально ничем друг от друга не отличаются. Да хоть сотня свидетелей была бы, все равно б ничего нового не узнали.

– Понятно. У меня просьба. Дай адресок фирмы этой, ну, чьи деньги были. Что, кстати, директор лопочет?

– Да так, отбрыкивается. Деньги какого-то приятеля – тот попросил их в банк через безнал перевести. Вот водитель и повёз их в банк. Директор никого не подозревает.

– Прекрасно. Люблю, когда никого не подозревают. Это само собой наводит на подозрения.

– А зачем тебе адрес?

– Ну как зачем? Ты же опытный работник. Книжки по криминалистике в детстве читал? Что там написано? Что потерпевший, а наш друг по большому счёту потерпевший, сразу после преступления находится в состоянии стресса и многого не помнит. Но постепенно, используя стимуляторы типа «Русской» или просто самовнушение, выходит из этого состояния и многое вспоминает. Вот тут и надо хватать его за жабры и тащить сюда, пока он опять что-нибудь не забыл. Что я и попытаюсь сделать.

– Ну, ты, надеюсь, поделишься со мной, если он что-нибудь вспомнит?

– Какие вопросы?!

– Лады, записывай.

Я записал на календарик рабочий и домашний телефоны директора, а также его данные.

– За сегодня ничего не наработали?

– Мы – нет, может, у Главка что-нибудь получилось. Все, пока.

Вот какой я обманщик. Тра-ля-ля. Все, шутки в сторону, Сейчас, соберёмся с мыслями, сделаем умное лицо и позвоним. Тыр-тыр-тыр.

– Алло! Мне Станислава Игоревича.

– Слушаю.

– Это из милиции. Моя фамилия – Ларин. Хорошая такая фамилия, но вам она ничего не скажет. Я бы очень хотел с вами встретиться, сами знаете зачем. Поговорить. А вы думали водки выпить?

Все это я выпалил за три секунды и теперь ждал достойного ответа.

– Постойте. Какой Ларин, зачем встретиться?

– Ну вот те на. Не мою же машину обстреляли и не мои денежки помыли.

– Да, но я вчера уже все рассказал на Литейном.

– Погодите, погодите. Во-первых, вы были взволнованы и наверняка многое позабыли, а во-вторых... О Господи, да если б у меня такую сумму увели, я б куда угодно побежал. Вы что, не хотите свои денежки обратно получить?

– Хочу, конечно, но мне, право, все-таки не понятно... Да и времени, честно говоря, нет, – с явным раздражением ответил директор.

– В таком случае, вынужден напомнить, что дело здесь даже не в ваших больших деньгах, а в том, что из-за них был убит человек и ваша прямая гражданская обязанность оказывать органам правосудия посильную помощь. А если вы будете избегать оказания этой помощи, то вас просто-напросто доставят сюда приводом. Комфорт не гарантирую.

– Ну, хорошо, куда мне подойти?

Я, признаться, не хотел беседовать с ним у себя. Будут лишние вопросы от коллег.

– Я сам приеду. Завтра, в десять. Да, на работу. Вы будете на месте?

– Буду.

– Отлично. Постарайтесь дожить до завтрашнего утра, а то, знаете ли, всякое бывает. Всего доброго.

Я повесил трубку. Такое нежелание являться в милицию меня все время удивляет. Не в тюрьму же я приглашаю его садиться. Правда, бывает, что после беседы трудящиеся и в самом деле прямым ходом туда направляются. Но этой крайне редко.

Я встал и подошёл к небольшому зеркалу на стене. Губа распухла основательно. Пожалуй, к Вике я сегодня не поеду, а то Бинго не признает, ещё в клочья разорвёт. Да и вообще, неприлично в таком виде с девушками встречаться. А посему сегодняшний вечер я посвящу ремонту своей однокомнатки, а то уже второй месяц не могу обои доклеить.

Утро следующего дня никаких существенных улучшений в погоду не внесло. К гололёду добавился мокрый снег, что окончательно испортило климатические условия. Исключительно из гуманных соображений не стану вам рассказывать, как я ехал на работу в грязном троллейбусе, как потом сидел на сходке у Мухомора, выслушивая его нудные нравоучения, и как наконец опять оказался в своём сыром и тесном кабинете, где, несмотря на весну, было достаточно холодно. Не согревала даже предстоящая встреча с Станиславом, как его, секундочку... Иго-ревичем. А если ко всему прочему добавить ещё и большую губу, то хоть вешайся. Но вешаться я не собирался, а поэтому, сунув под мышку пистолет, поехал на встречу. Контора или – благороднее – офис находился не так далеко от отделения – несколько остановок на грязном троллейбусе. Находись он дальше, я, наверно, пригласил бы директора к себе. Плевать на конспирацию.

Офис располагался в здании парикмахерской, занимая несколько полуподвальных помещений. Никаких вывесок или других опознавательных знаков я не обнаружил, поэтому долго

дёргал все ручки подряд, пока не наткнулся на нужную дверь. Причём наружный вид двери больше бы соответствовал входной дыре какой-нибудь гопницкой квартиры. Однако внутреннее убранство заметно отличалось в лучшую сторону. Длинный коридор, оклеенный фирменными рельефными обоями и отделанный деревом, стильные светильники. Из трех имеющихся в коридоре дверей я выбрал ближайшую и оказался в просторной комнате. Вероятно, это и был офис. Телефакс, компьютеры, галогеновые лампы, жалюзи, огромный аквариум. За одним из компьютеров сидела молодая дамочка, другая склонилась над столом. Ну никакой техники безопасности. Заходи, наставляй пистолет и забирай хозяйство. Где ж тут с преступностью справиться?

Девушки, никак не отреагировав на моё появление, продолжали весело сплетничать,

– Здравствуйте, девушки, – дал о себе знать я. – Мне – Станислава Игоревича.

– Вы из милиции?

– Из неё.

– Он немножко задерживается, просил подождать. Присаживайтесь.

Я плюхнулся в указанное мне крутящееся кресло и закинул ногу на ногу.

Девчата опять принялись за свои разговоры, не обращая на меня ровно никакого внимания. Я от нечего делать стал изучать их достоинства. Одной было лет двадцать пять, второй – чуть меньше. Обе, пожалуй, вошли бы в десятку на районном конкурсе красоты. А судя по одежде и украшениям, их красивая внешность довольно-таки неплохо сочеталась с материальным достатком. На дисплее компьютера высвечивались какие-то таблицы, в которых я бы и при всем своём желании ничего не разобрал.

– А я Светке и говорю, ну куда ты лезешь в это ярмо. А она – годы уходят, годы уходят, парень хороший, – щебетала младшенькая старшей. – А я ей: «Ну, и живите так, без свадьбы». Нет, ей постоянства хочется, спокойствия. Все-таки я её не понимаю.

– И не говори, – ответила вторая. – А сколько хлопот сразу?! Вон, Кристинка замуж выходила – так на ней лица перед свадьбой не было. С её фигурой платья не подобрать. Хорошо я посоветовала на Обводный съездить, в ателье, только там и сшили. А ресторан, а очередь во дворец. И все на нервах.

– Нет, я пока замуж не собираюсь. Это удовольствие никогда не поздно получить.

Девушка налила себе чаю и начала листать какие-то документы.

Я улыбнулся. А может, это такой трюк – заманивать незнакомых симпатичных мужиков в свои сети? Ведь, несмотря на губу, я выглядел весьма эффектно.

– Что ты мучаешься? – спросила молодая труженица у старшей. – Так до обеда проводишься, сними копию на «ксероксе».

– «Ксерокс» Стас забрал, он ему нужен был.

– Нам нужнее...

Она прервалась на полуслове. Дверь в комнату слегка приоткрылась, и в комнату заглянул мужчина лет тридцати.

– Вы не из милиции? – обратился он ко мне.

Я кивнул.

– Пойдёмте в мой кабинет. Ирочка, если будут спрашивать, не соединяй, меня пока нет.

Станислав Игоревич не был похож ни на одного из известных мне артистов. Его внешность была абсолютно не запоминающейся, средней, так сказать. Я бы даже не узнал его, встретить я его вновь. Мало того, он не был похож и на тот образ коммерсанта, который сложился в моей голове. Никакого драпового пальто или кожаной пропитки, никаких навороченных часов, цепочек, колечек, кожаных дипломатов. Все гораздо скромнее. Мы пересекли коридор и зашли в следующую от входа дверь.

Станислав Игоревич снял куртку, сел за стол и предложил мне присесть. Его кабинет ни в чем не уступал кабинету незамужних девчат. Я даже обстановку его не буду вам описывать. Зайдите, если хотите, в приёмную мэрии и посмотрите сами. Здесь было не хуже.

– Вы извините меня, – произнёс Станислав Игоревич. – Вчера день такой напряжённый был, голова кругом шла. Я как-то сразу и не сообразил, что Серёжу убили. Хотя я же на Литейном все рассказал, так что ваш звонок меня удивил.

– Все очень просто. Я работаю в том отделении милиции, на территории которого застрелили водителя и непосредственно обслуживаю этот участок.

Женька сгорел бы от негодования, если б услышал моё враньё – его участок был куда лучше, чем мой.

– А поэтому я кровно заинтересован в раскрытии данного преступления. Как я уже говорил, моя фамилия Ларин, звать Кирилл Андреевич.

– Очень приятно. Вот, возьмите. – Станислав Игоревич протянул мне визитку.

Я взглянул на карточку.

«Коротков Станислав Игоревич. СП „Эспаньола“, директор.» Далее следовали телефоны-телефаксы.

– Станислав Игоревич, я думаю, вас не затруднит повторить все, что вы рассказали на Литейном. Для начала о вашей конторе, о, виноват, о вашей организации. Когда открылись, чем занимались, каков штат, ну, и все остальное.

– Хорошо. В таком виде, то есть как «Эспаньола», мы работаем не так давно, около двух месяцев. Хотя под другим статусом мы просуществовали более двух лет. Начал я почти с нуля, организовав небольшое предприятие по производству мебели. Скопил денег и рискнул. Но дело пошло не очень, ввиду нашей несовершенной налоговой системы. Производить было крайне невыгодно. Поэтому я переориентировался на посредничество. Немного повезло, познакомился с испанцами, заключили удачный контракт на поставку кое-каких строительных материалов. Постоянного офиса я тогда ещё не имел, снимал помещения, где мог. Вот. Дело удалось, появился капитал. За два года мы поднялись достаточно высоко. Сейчас торгуем не только материалами, но и продуктами. Здесь подвернулось подходящее помещение, хотя, по-прежнему, оно не наше, мы его арендуем. Помимо этого, есть небольшой склад в другом районе. Часть товара храним в подвале. Штат небольшой – я одновременно и обыкновенный, и коммерческий директор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.